

УДК 34**Правовое обеспечение функционирования Евразийского
экономического союза: проблемы и перспективы****Поляков Егор Владимирович**

Бакалавр юриспруденции,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36;
e-mail: e.v.polyakov99@mail.ru

Руденко Анна Григорьевна

Бакалавр экономики,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36;
e-mail: anna.rudenko.14@bk.ru

Голяткин Георгий Дмитриевич

Бакалавр экономики,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36;
e-mail: ggolyatkin@internet.ru

Аннотация

Правовое обеспечение функционирования Евразийского экономического союза на текущий момент столкнулось со схожими проблемами во многих отраслях регулирования. И если выявление и устранение экономических препятствий для функционирования внутренних рынков является текущей работой ЕЭК, ранее выпускавшей соответствующие доклады (т.н. «Белые книги»), а сейчас запустившей отдельный интернет-портал для проработки барьеров, изъятий и ограничений, то лакуны права, коллизии и недостаточная урегулированность ряда процессов в том числе основывается на отсутствии единого подхода по ревизии права Союза. Зафиксированное в Стратегии 2025 стремление государств-членов к расширению сферы компетенций ЕАЭС и ЕЭК, во многом остается формальным из-за политической и экономической ситуации в регионе и мире. При этом уровень взаимозависимости экономик стран Союза обуславливает необходимость качественного развития ЕАЭС, а значит и его правовой базы. Количество накопившихся проблем говорит о необходимости целенаправленной работы по ревизии права Союза для устранения, как минимум, самых очевидных пробелов и коллизий, таких как вопросы регулирования трудовых отношений сотрудников Комиссии или единых подходов для имплементации наднациональных норм в правовые системы государств-членов Союза. Безусловно, наличие института Суда ЕАЭС само по себе гарантирует устранение ряда проблем, включая вопросы трактовки положений норм и правоприменения. Однако без

политической воли на восстановление и расширение компетенции суда этот инструмент может оказать только ограниченное влияние, находясь как бы в изоляции от национальных судебных органов. Можно отметить, что суды государств-членов ЕАЭС постепенно приходят к пониманию необходимости включения правовых механизмов интеграционного объединения в свою практику. Так Верховный Суд Российской Федерации начал обобщать и публиковать своды правовых позиций и практики Суда ЕАЭС, что безусловно сыграет роль в обеспечении надлежащего применения их судами Российской Федерации. Необходимо продолжение работы по кодификации норм права Союза по отраслям, сближение уровней национального регулирования и создание ряда дополнительных институтов, например, единого регулятора миграционных процессов (в рамках ЕЭК или в качестве нового органа ЕАЭС).

Для цитирования в научных исследованиях

Поляков Е.В., Руденко А.Г., Голяткин Г.Д. Правовое обеспечение функционирования Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3А. С. 676-686.

Ключевые слова

Вразийский экономический союз, ЕЭК, правовое обеспечение, интеграционное объединение, наднациональные нормы, ревизия права, коллизии права, лакуны права, Стратегия 2025, Суд ЕАЭС, имплементация норм, трудовые отношения, единый регулятор, миграционные процессы, правоприменение, гармонизация законодательства, экономические барьеры, Белые книги, внутренние рынки, компетенции ЕАЭС.

Введение

29 мая 2014 года в городе Астана (Казахстан) президентами Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан был подписан договор, в соответствии с которым эти государства передавали часть своего суверенитета в экономической сфере создаваемой международной организации региональной экономической интеграции – Евразийскому экономическому союзу (далее – ЕАЭС, Союз).

ЕАЭС стал центром постсоветской экономической интеграции, сменив и (или) дополнив ряд коммунитарных проектов, таких как Содружество Независимых государств (СНГ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). В рамках ЕАЭС предусмотрено формирование четырех основных свобод: движения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, а также координация, согласование или проведение единой политики в определенных экономических отраслях.

Союз включил в себя как действовавшие правовые режимы Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП), так и наработки СНГ, ЕврАзЭС и даже Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) [Глазьев, 2022]. К слову, последние активно использовались и Европейским союзом (ЕС) на всем протяжении его формирования и функционирования.

Уже в конце 2014 года были подписаны документы о присоединении к ЕАЭС Республики Армении, а в 2015 году к Союзу присоединилась Кыргызская Республика. Международные договоры о присоединении указанных стран предусматривали соответствующие переходные

периоды и исключения на время их течения.

Высшими органами ЕАЭС стали Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС) на уровне глав государств и Евразийский межправительственный совет, состоящий из глав правительств стран - участниц Союза.

Для осуществления регулирующей деятельности на наднациональном уровне государствами-членами ЕАЭС создана Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, Комиссия), состоящая из Коллегии и Совета.

Совет Комиссии формируется из заместителей глав правительств государств-членов ЕАЭС, которые осуществляют общее управление интеграционными процессами и работой Комиссии.

Сферы ведения членов Коллегии и их численный состав определяется ВЕЭС. Председатель Коллегии отвечает за организацию текущей деятельности ЕЭК и проведение заседаний органов ЕАЭС. На момент написания статьи в Коллегию ЕЭК входят 10 членов, включая Председателя – представителя Республики Казахстан Сагинтаева Б.А. Деятельность Комиссии осуществляется в строго ограниченных рамках компетенции, установленной Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор, базовый договор).

Государства-члены прорабатывают вопрос расширения компетенции ЕАЭС и ЕЭК, в первую очередь путем включения новых экономических и социальных сфер (например, туризма, молодежной политики) в базовые «идеологические» документы – меморандумы и декларации, нашедшие отражение в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных Решением ВЕЭС от 11 декабря 2020 г. № 12 (Стратегия 2025).

Статьей 6 Договора определены акты, относящиеся к праву Союза, установлена их строгая иерархия и вопросы разрешения коллизий между нормами разных уровней. Для их единообразного применения государствами-членами и органами Союза сформирован Суд Евразийского экономического союза.

Как и любое другое интеграционное объединение, ЕАЭС столкнулся с рядом проблем формирования права объединения. Учитывая современные экономические реалии – от международного обмена санкциями до формирования нового экономического уклада (цифровизации), проблематика правового регулирования на уровне ЕАЭС приобретает особое значение, поскольку, наряду с правовыми инструментами иных международных площадок (ШОС, БРИКС, АСЕАН и т.д.) формирует юридические рамки и инструментарий для функционирования и развития национальных экономик государств-членов. Именно этим обусловлена актуальность настоящего исследования.

Основное содержание

При формировании правовой базы наднациональной организации с неизбежностью возникают вопросы обязательности исполнения актов права такой организации (имплементации наднациональных норм в законодательство и правоприменительную практику государств-членов), санкций за их неисполнение, а также четкого и однозначного разграничения полномочий между национальными и наднациональными органами.

Евразийский экономический союз не может похвастаться полной однозначностью в вопросе разграничения полномочий между Комиссией и национальными органами власти, как это реализовано, например, в Европейском союзе. Правом ЕАЭС предусмотрены сложные процедуры межгосударственного согласования, предваряющие выпуск ЕЭК соответствующих

регулирующих правоотношения актов. При этом нормотворческая инициатива и обеспечение исполнения норм права Союза чаще всего находятся в ведении государств-членов ЕАЭС [Глазьев, 2022].

Таким образом, налицо смешение двух типов организационного устройства – наднационального и межгосударственного, а ключевые сферы регулирования, такие как таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, внешняя торговля, защитные меры, конкурентной политики и технического регулирования – несут соответствующие риски «недоурегулированности» по политическим мотивам участников согласовательных процедур. Исследователи, например А.С. Исполинов, прямо указывают на опасения национальных властей в отношении передачи части суверенитета для полноценного и единообразного национального регулирования и их стремление предусмотреть достаточное количество механизмов контроля, в том числе и за судебным органом интеграционного объединения [Исполинов, 2016].

Важно подчеркнуть, что государствам-членам ЕАЭС при формировании правовой базы Союза не удалось прийти к консенсусу по ряду направлений интеграции. Одновременно, представители национальных органов власти отдавали себе отчет, что первостепенными и приоритетными для интеграционных процессов являются вопросы обеспечения и развития внешней торговли, упрощения процедур взаимной торговли между участниками Союза, обеспечение защиты общих рынков.

В этой связи в текст Договора о Евразийской экономической интеграции включены некоторые рамочные положения, предполагающие возможность расширения основных направлений интеграции. Иными словами, базовым документом Союза предусмотрена различная глубина интеграции для разных экономических отраслей.

Непосредственно процедура имплементации наднациональных правовых норм в национальные законодательные системы и правоприменительную практику может принимать следующие формы.

Прямое применение наднациональных норм, предусмотренное статьями 2 и 6 Договора, относится к исполнению государствами-членами ЕАЭС, их органами, организациями и лицами, обладающими правом на осуществление предпринимательской деятельности, решений Комиссии, выпущенных в определенных Договором сферах правового регулирования.

Данная форма характерна, например, для сферы конкурентной политики, где у ЕЭК есть широкие полномочия по взаимодействию с национальными антимонопольными органами и возможность наложения штрафных санкций на нарушителей.

Той же статьей 6 Договора установлена следующая форма имплементации норм права Союза – решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством. Иными словами, подразумевается включение их решений в национальные законодательства путем проведения соответствующих внутригосударственных согласований (ВГС) и процедур (ВГП).

Проблемой данной формы имплементации является регулярное нарушение государствами-членами ЕАЭС установленных сроков проведения ВГС и ВГП, что при отсутствии каких-либо санкций для государств-членов приводит к замедлению формирования правовой базы. Единственным возможным и эффективным вариантом реакции на затягивание внутригосударственных процессов в действительных правовых реалиях является межгосударственное взаимодействие и информирование со стороны Евразийской

экономической комиссии.

Дополнительные сложности в перспективе может создать конституционная реформа в Российской Федерации, в рамках которой была введена процедура оценки применимого к правоотношениям на территории Российской Федерации международного права на соответствие положениям Конституции Российской Федерации.

В соответствии с новой редакцией статьи 79 Конституции Российской Федерации, Россия может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Конституционный суд Российской Федерации в соответствии с положениями федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ред. от 8 декабря 2020 г.) наделен полномочиями по проведению такой оценки и прекращению и (или) приостановлению действия норм международного права на территории Российской Федерации.

Одной из форм имплементации, исходя из доктринального прочтения, предполагающего как трансформацию, так и инкорпорацию международных норм, является процесс гармонизации законодательств государств-членов ЕАЭС.

Например, Решением Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 г. № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза» термин имплементация рассматривается в качестве составляющей части процесса гармонизации законодательств государств-членов в ходе углубления финансовой интеграции и формирования общего финансового рынка [Карасев, Кожевникова, Мещерягина, 2021]. При этом в качестве цели указывается именно гармонизация национальных законодательств через посредничество наднационального органа. Рассмотренные примеры не показывают острой проблематики, поскольку можно только приветствовать использование всех граней юридических механизмов для развития права Союза. Однако, отсутствие единообразного подхода или кодифицированных норм, позволяющих подбирать необходимую форму имплементации наднациональных норм в национальные законодательства государств-членов Союза создает почву для появления коллизий и ошибок в правоприменительной практике.

Коллизии возникают при этом на многих уровнях функционирования Союза, отражая спешку в которой согласовывались базовые документы ЕАЭС. Один из интересных примеров таких коллизий возникает при регулировании трудовых отношений с работниками ЕЭК.

Согласно Договору о ЕАЭС сотрудники Комиссии являются международными служащими. Процесс замещения вакантных должностей в департаментах ЕЭК реализуется на основе конкурсного отбора кандидатов в порядке, установленном Советом Комиссии (Решение Совета Комиссии от 12 ноября 2014 г. № 99 «Вопросы замещения должностей в Евразийской экономической комиссии»).

При этом, пунктом 43 Приложения 32 к Договору о ЕАЭС (Протокол о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе) предусмотрено, что трудовые отношения сотрудников ЕЭК регулируются трудовым законодательством государства пребывания с учетом норм права ЕАЭС. Суд Евразийского экономического союза

уже обращал внимание на необходимость углубления специального регулирования трудовых отношений с международными служащими ЕАЭС [Консультативное заключение Суда ЕАЭС, 2018], однако до времени написания настоящей статьи существуют, например, следующие коллизии.

Во-первых, процесс расторжения трудового договора по основаниям, предусмотренным пунктом 2 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации должен сопровождаться предложением сокращаемому работнику всех вакантных должностей, соответствующих его квалификации. Но замещение должности в Комиссии без проведения конкурса, кроме ряда исключений, невозможно. Аналогично, не может быть реализована до логического завершения процедура аттестации сотрудников Комиссии [Решение Совета ЕЭК №98, 2014], поскольку в силу пункта 3 той же статьи 81 ТК РФ несоответствие должности, установленное по итогам проведенной аттестации, является основанием для расторжения трудового договора (контракта), которое может быть реализовано в порядке абзаца 3 пункта 14 статьи 81 ТК РФ.

Последний предполагает перевод не прошедшего аттестацию сотрудника на нижестоящую должность или предложение ему иных вакантных должностей, соответствующих его квалификации. Но занятие указанных должностей таким работником невозможно без проведения установленных правом ЕАЭС процедур конкурсного отбора.

Компетенция Суда Евразийского экономического союза

Наличие независимого судебного органа является одним из очевидных и необходимых условий эффективного функционирования организации региональной экономической интеграции. Несмотря на предусмотренные в целом механизмы медиации (через фасилитационную и согласовательную деятельность ЕЭК), спорные вопросы реализации норм права Союза, а также толкования таковых и возможность реализации права хозяйствующих субъектов – резидентов и нерезидентов стран ЕАЭС на судебную защиту своих законных интересов – предполагают наличие органа, уполномоченного на принятие обязательных для всех участников правоотношений решений.

Вместе с тем, при создании Суда Евразийского экономического союза государствами-членами были значительно урезаны его полномочия по сравнению с предшествующим ему Судом Евразийского экономического сообщества. В первую очередь, речь идет об исключении преюдициальной компетенции суда экономического объединения, предполагавшего ранее право и возможность для национальных судов стран ЕврАзЭС обратиться в Суд ЕврАзЭС за получением позиции по применению норм права ЕврАзЭС в контексте уже разрешающихся судебных споров.

Учитывая общую позицию государств-членов по постепенному углублению интеграции эта проблема может быть решена, поскольку узконациональные интересы, ставшие причиной ограничения компетенции Суда Союза, не могут в итоге быть фундаментальной основой для экономического развития, что должно найти свое отражение в полноценной ревизии права Союза.

Один из судей Суда ЕАЭС – Ж.Н. Байшев выделяет также пробел правового регулирования в результате допущения которого Высший Евразийский экономический совет не имеет формального права обратиться с запросом к Суду Союза. Помимо прочих доводов, содержащихся в статье, Ж.Н. Байшев указывает на базовое противоречие – отсутствие в пункте 1 статьи 31 Регламента Суда ЕАЭС указания конкретного лица, представляющего Высший

Евразийский экономический совет, уполномоченного на подписание заявления о разъяснении норм права Союза [Баишев, 2019].

Таким образом, налицо коллизия между формальным правом органа Союза на обращение к Суду ЕАЭС за разъяснением норм права объединения и невозможностью принятия такого заявления Судом ЕАЭС по причине несоответствия требованиям Регламента Суда ЕАЭС, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101.

Наиболее же очевидным пробелом является отсутствие права Комиссии на обращение к Суду ЕАЭС с заявлением о несоблюдении права Союза со стороны государства-члена.

По мнению другого судьи Суда ЕАЭС – Д.Г. Колоса, ссылающегося также на мнение проф. С.Ю. Кашкина, само наличие у ЕЭК права на обращение в международный судебный орган с заявлением в отношении государства-члена Союза, стимулировало бы страны соблюдать нормы права Союза [Колос, 2019] и устранять нарушения еще на стадии проведения Комиссией процедуры мониторинга и уведомления государств-членов ЕАЭС о наличии таковых.

Обозначенный пробел также возвращает нас к вопросу об ответственности государств-членов ЕАЭС за неисполнение норм права Союза. Комиссия, обладая компетенцией и установленными порядками проведения мониторинга исполнения странами права ЕАЭС в различных экономических отраслях, не имеет эффективного механизма по обеспечению их исполнения.

Даже вопрос об уведомлении государства по результатам проведения процедуры мониторинга (по сути – направления письма, не имеющего самостоятельных правовых последствий) сталкивается со значительными бюрократическими барьерами. Насколько существеннее сможет быть судебное решение без наличия механизмов обеспечения его исполнения – вопрос открытый.

Вопросы регулирования трудовой миграции

Формирование региональных экономических объединений и нового экономического уклада, рассматриваем мы их как части процессов глобализации или как их антипод, включают в себя и активизируют потоки трудовой миграции. Договором о ЕАЭС свобода движения рабочей силы указана в качестве одной из основ для учреждения Союза.

На примере Российской Федерации, наличие разноразовного регулирования (национального и коммунитарного) в такой социально острой сфере при отсутствии кодификации регулирующих актов и упрощения правоприменения (в том числе в сторону ужесточения санкций для лиц, допустивших нарушение миграционного законодательства) смело можно отнести к одному из проблемных вопросов в функционировании национальных правовых систем и реализации норм права Союза. В качестве аналога можно привести Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 29 мая 2019 года, урегулировавший в едином акте (в том числе с необходимыми отсылками разграничением ведения) вопросы регулирования таможенных операций на таможенной территории ЕАЭС.

Недостаточная урегулированность и отсутствие единого регулирующего органа по трудовой миграции при формальной свободе перемещения трудовых ресурсов внутри ЕАЭС отмечается и исследователями и в отношении Республики Казахстан (второй экономики Союза). В то же время, государства-члены ЕАЭС не используют в полной мере потенциал Международной организации труда (МОТ) и соответствующих конвенций [Сченснович, 2024].

Проблематика регулирования конкурентной политики

Для эффективного функционирования ЕАЭС и обеспечения движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы необходимо последовательное устранение барьеров и ограничений, в том числе создаваемых субъектами хозяйствования (юридическими лицами и лицами, обладающими правом на осуществление предпринимательской деятельности). Решение вопроса зависит от надлежащего правового обеспечения складывающихся правоотношений.

На уровне ЕАЭС последовательно проводится единая политика в сфере конкуренции, предполагающая гармонизацию законодательства государств-членов и углубление взаимодействия их национальных антимонопольных органов.

Несмотря на достаточно высокий уровень кодификации нормативной базы и постоянное ее совершенствование, можно отметить неравномерное развитие институтов конкурентной политики и антимонопольного регулирования по странам ЕАЭС [Москалевич, 2021].

Суд ЕАЭС также активно участвует в формировании единых подходов к применению правил конкуренции на трансграничных рынках и мер ответственности за нарушения. Например, Решение Суда ЕАЭС от 12 июля 2023 г. «О признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии „О наличии нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках“ от 17 января 2023 г. № 8 не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и международным договорам в рамках Союза» позже отмененное Апелляционной палатой Суда ЕАЭС по жалобе ЕЭК, свидетельствует об активной работе на уровне Союза для создания правовой определенности для участников рынка. В частности, указанное дело сформировало подходы к понятию и бремени доказывания вины, исчислению процессуальных сроков.

Заключение

Правовое обеспечение функционирования Евразийского экономического союза на текущий момент столкнулось со схожими проблемами во многих отраслях регулирования. И если выявление и устранение экономических препятствий для функционирования внутренних рынков является текущей работой ЕЭК, ранее выпускавшей соответствующие доклады (т.н. «Белые книги»), а сейчас запустившей отдельный интернет-портал для проработки барьеров, изъятий и ограничений, то лакуны права, коллизии и недостаточная урегулированность ряда процессов в том числе основывается на отсутствии единого подхода по ревизии права Союза.

Зафиксированное в Стратегии 2025 стремление государств-членов к расширению сферы компетенций ЕАЭС и ЕЭК, во многом остается формальным из-за политической и экономической ситуации в регионе и мире. При этом уровень взаимозависимости экономик стран Союза обуславливает необходимость качественного развития ЕАЭС, а значит и его правовой базы.

Количество накопившихся проблем говорит о необходимости целенаправленной работы по ревизии права Союза для устранения, как минимум, самых очевидных пробелов и коллизий, таких как вопросы регулирования трудовых отношений сотрудников Комиссии или единых подходов для имплементации наднациональных норм в правовые системы государств-членов Союза.

Безусловно, наличие института Суда ЕАЭС само по себе гарантирует устранение ряда проблем, включая вопросы трактовки положений норм и правоприменения. Однако без

политической воли на восстановление и расширение компетенции суда этот инструмент может оказать только ограниченное влияние, находясь как бы в изоляции от национальных судебных органов.

Можно отметить, что суды государств-членов ЕАЭС постепенно приходят к пониманию необходимости включения правовых механизмов интеграционного объединения в свою практику. Так Верховный Суд Российской Федерации начал обобщать и публиковать своды правовых позиций и практики Суда ЕАЭС, что безусловно сыграет роль в обеспечении надлежащего применения их судами Российской Федерации.

Необходимо продолжение работы по кодификации норм права Союза по отраслям, сближение уровней национального регулирования и создание ряда дополнительных институтов, например, единого регулятора миграционных процессов (в рамках ЕЭК или в качестве нового органа ЕАЭС).

Библиография

1. Сравнительно-правовое исследование деятельности Совета экономической взаимопомощи, Европейского экономического союза и Евразийского экономического союза / Т. Логинова, А. Травина // Право и современные государства. — 2015. — № 2. — С. 57–58.
2. Глазьев С. Ю. Евразийская экономическая интеграция : учебник. — 2022. — С. 18.
3. Исполинов А. С. Право в современном мире: Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза. — 2016. — С. 154.
4. Карасев А. В., Кожевникова Е. А., Мещерягина М. С. Отдельные вопросы имплементации норм законодательства Евразийского экономического союза в законодательство Российской Федерации // Антиномии. — Вып. 3. — Т. 21. — С. 81–106.
5. Консультативное заключение Большой Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 7 декабря 2018 г. № СЕ-2-2/5-18-БК.
6. Решение Совета ЕЭК от 12.11.2014 № 98 «О Положении о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии».
7. Баишев Ж. Н. Суд Евразийского экономического союза: проблемы функционирования // Международное право и международные отношения. — 2019. — Вып. 14, № 1. — С. 62.
8. Колос Д. Г. Проблемные вопросы компетенции Суда ЕАЭС по разрешению споров // Международные отношения и общество. — 2019. — С. 2.
9. Сченснович В. Н. Россия и Казахстан: актуальные перспективы в двусторонних отношениях // Россия и мусульманский мир : науч.-информ. журн. — 2024. — № 1. — С. 63–64.
10. Москалевич Г. Н. Правовое регулирование конкурентных отношений в Евразийском экономическом союзе: проблемы и пути их решения // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. — С. 281.

Legal Framework for the Functioning of the Eurasian Economic Union: Challenges and Prospects

Egor V. Polyakov

Bachelor of Law,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: e.v.polyakov99@mail.ru

Anna G. Rudenko

Bachelor of Economics,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna.rudenko.14@bk.ru

Georgii D. Golyatkin

Bachelor of Economics,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ggolyatkin@internet.ru

Abstract

The legal framework for the functioning of the Eurasian Economic Union (EAEU) currently faces similar challenges across many regulatory areas. While identifying and eliminating economic barriers to the functioning of internal markets remains the ongoing work of the Eurasian Economic Commission (EEC), which previously issued relevant reports (so-called "White Books") and has now launched a dedicated online portal to address barriers, exemptions, and restrictions, gaps in legislation, conflicts, and insufficient regulation of certain processes stem from the lack of a unified approach to revising Union law. The aspiration of member states, as outlined in the 2025 Strategy, to expand the competences of the EAEU and EEC remains largely formal due to the political and economic situation in the region and globally. At the same time, the level of economic interdependence among Union member states necessitates the qualitative development of the EAEU and, consequently, its legal framework. The accumulation of unresolved issues highlights the need for targeted efforts to revise Union law to address at least the most apparent gaps and conflicts, such as regulating labor relations for Commission employees or establishing uniform approaches for implementing supranational norms into the legal systems of member states. While the existence of the EAEU Court as an institution inherently guarantees the resolution of certain issues, including the interpretation and application of legal norms, its impact may remain limited without the political will to restore and expand the Court's jurisdiction, leaving it somewhat isolated from national judicial bodies. Notably, courts in EAEU member states are gradually recognizing the need to incorporate the legal mechanisms of the integration association into their practices. For instance, the Supreme Court of the Russian Federation has begun compiling and publishing summaries of the legal positions and practices of the EAEU Court, which will undoubtedly contribute to their proper application by Russian courts. Further efforts are required to codify Union law by sector, harmonize national regulatory levels, and establish additional institutions, such as a unified regulator for migration processes (within the EEC or as a new EAEU body).

For citation

Polyakov E.V., Rudenko A.G., Golyatkin G.D. (2025) Pravovoe obespechenie funkcionirovaniya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: problemy i perspektivy [Legal Framework for the Functioning of the Eurasian Economic Union: Challenges and Prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (3A), pp. 676-686.

Keywords

Eurasian Economic Union, EEC, legal framework, integration association, supranational norms, legal revision, legal conflicts, legal gaps, 2025 Strategy, EAEU Court, implementation of norms, labor relations, unified regulator, migration processes, law enforcement, harmonization of legislation, economic barriers, White Books, internal markets, EAEU competences.

References

1. Comparative legal study of the activities of the Council for Mutual Economic Assistance, the European Economic Union and the Eurasian Economic Union / T. Loginova, A. Travina // Law and modern states. - 2015. — No. 2. — pp. 57-58.
2. Glazyev S. Y. Eurasian economic integration : textbook. — 2022. — P. 18.
3. Ispolinov A. S. Law in the modern world: The Statute of the EAEU Court as a reflection of the fears and doubts of the member States of the Eurasian Economic Union. - 2016. — P. 154.
4. Karasev A.V., Kozhevnikova E. A., Meshcheryagina M. S. Selected issues of the implementation of the norms of the legislation of the Eurasian Economic Union in the legislation of the Russian Federation // Antinomies. — Issue 3. — Vol. 21. — pp. 81-106.
5. Advisory Opinion of the Grand Collegium of the Court of the Eurasian Economic Union dated December 7, 2018 No. CE-2-2/5-18- BC.
6. Decision of the EEC Council dated 12.11.2014 No. 98 "On the Regulations on certification of employees of the Eurasian Economic Commission".
7. Baishev J. N. The Court of the Eurasian Economic Union: problems of functioning // International law and international relations. — 2019. — Issue 14, No. 1. — p. 62.
8. Kolos D. G. Problematic issues of the competence of the EAEU Court for dispute resolution // International Relations and Society. — 2019. — p. 2.
9. Schensnovich V. N. Russia and Kazakhstan: current prospects in bilateral relations // Russia and the Muslim world : scientific information. Journal. — 2024. — No. 1. — pp. 63-64.
10. Moskalevich G. N. Legal regulation of competitive relations in the Eurasian Economic Union: problems and ways to solve them // Greater Eurasia: development, security, cooperation. — p. 281.